

**ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
ПО ОТНОШЕНИЮ К БУДДИЙСКОЙ ЦЕРКВИ В КАЛМЫКИИ В НАЧАЛЕ XX в.****Н.М. Когаева
(Россия, Элиста)**

В статье рассматривается малоизученный вопрос о политике российского правительства по отношению к буддийской церкви в Калмыкии в начале XX в. Работа основана на привлечении целого ряда архивных источников, а также сведений из опубликованной литературы. Основным содержанием статьи является анализ изменений в конфессиональной политике правительства в Калмыкии, в частности, перехода от ограничений к поддержке позиций буддийской церкви в условиях крупных социально-политических событий начала XX в.

The present article is devoted to the under-investigated issue about the Russian government policy in relation to the Buddhist church in Kalmykia at the beginning of the XXth century. The paper presents the review of a whole number of archival sources and the information taken from the published literature. The analysis of changes in the confessional policy of the government in Kalmykia is the main content of the article. Particularly, the transfer from the restriction to the support of the Buddhist church positions under the conditions of important social-political events at the beginning of the XXth century is taken into account.

Ключевые слова: правительство, конфессиональная политика, калмыки, буддизм, духовенство, хурул, улус.

Key words: government, confessional policy, the Kalmyks, Buddhism, khurul, ulus.

В начале XX в. позиции буддийской церкви в Калмыкии значительно укрепились, несмотря на ту политику ее ограничения, которую проводило правительство ранее. Об этом свидетельствуют данные о численности калмыцкого духовенства в калмыцких улусах Астраханской губернии (наблюдалось увеличение священнослужителей почти вдвое) и рост числа буддийских хурулов с 53 до 79.

Возрастание численности буддийского духовенства в калмыцких улусах Астраханской губернии, наблюдавшееся с 1906 по 1914 гг., объяснялось рядом факторов. В первую очередь, общественно-экономическое развитие Калмыкии в русле общероссийских глубинных сдвигов повлияло на расширение здесь национального движения, особенно в годы революции 1905–1907 гг., и церковь объективно не оставалась в стороне от этих процессов. Учитывая большую роль и место буддийской церкви в Калмыкии, правительство было вынуждено выработать стратегическую линию в своей религиозной политике. В данный период, особенно после указа 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» [19], важное место заняла политика тактических уступок буддийской церкви в Калмыкии со стороны правительства.

Это преследовало ряд задач. Во-первых, различными уступками администрация пыталась через калмыцкое духовенство влиять на население. В этой связи правительство не без резона считало, что репрессивные меры в отношении буддийской церкви в Калмыкии «неизбежно породят разное брожение умов среди инородческого элемента» и «не только не ослабят влияния калмыцких народных учителей (церковный сан «бакша» – в переводе «учитель») и руководителей на народную массу, но наоборот увеличат таковое влияние» [10, л. 64]. Резонность подобного опасения подтверждается следующим фактом. В годы революции 1905–1907 гг. оренбургские калмыки, среди которых было немало лиц, принявших ранее православие не по доброй воле, начали ходатайствовать «о нестеснении их в исповедании религии и о разрешении им перейти из православия в ламаизм» [25, л. 128].

Во-вторых, своими уступками правительство желало получить в лице калмыцкого духовенства своего союзника, что не раз предпринималось ранее. Даже должность ламы калмыцкого народа являлась штатной единицей в Управлении калмыцким народом: он получал жалованье в размере 700 руб. в год и 30 руб. на канцелярские расходы [28, л. 7]. Правда, администрация устраивала за это столь мелочную опеку за действиями ламы, что последний иногда выражал недоумение. Так, когда лама Ч. Балданов в 1909 г. за плохое поведение (пьянство и оскорбление хурульного начальства) наказал гелюнга Г. Цеденова высылкой на 3 года в отдаленный хурул, то администрация указала, что подобные действия наказываются не ламой, а соответст-

вующими судебными органами, на что Ч. Балданов в своем письме в управление калмыцким народом заявил: «Какой же я лама, когда не могу накладывать взыскания на лиц духовного звания за неблагоприятные их поступки?» Дело завершилось компромиссом: решили выслать на 1 год, но после принесения Г. Цеденовым извинений это наказание не было применено [3, л. 70].

С 1906 г. в Калмыкии после длительного периода жесткой регламентации буддийской церкви началась политика уступок. В течение 10-летия были построены и введены в штат ряд новых хурулов и молитвенных домов в Малодербетовском, Маньчском, Яндыко-Мочажном и других улусах [4, л. 65–66]. Все они открывались непосредственно с «Высочайшего соизволения». В Шебенеровском аймаке Малодербетовского улуса, где насчитывалось 4 тыс. чел, в 1913 г. действовало 2 хурула (большой и малый) с полным штатом [9, л. 25]. Ряд хурулов были трансформированы по штату из малых в большие, построен и введен в действие буддийский храм в Петербурге, для службы в котором были назначены и калмыцкие священнослужители. С ходатайством в Министерство внутренних дел об устройстве этого храма обратились от калмыков проживавшие в Петербурге нойон Т.Б. Тюмень, С. Баянов и другие в числе 18 чел. [15, л. 1]. Открытые в Маньчском и Икицохуровском улусах два духовных училища (чоре) были призваны готовить кадры буддийского духовенства. Средства на постройку зданий для этих чоре представили нойон Тундутов, зайсанги Ц. Бадмаев, Кармыков, Шонтаев и другие представители калмыцкой знати [14, л. 6].

В мае 1906 г. особое совещание по вероисповедным делам департамента духовных дел рассмотрело вопрос об изменении существовавшего порядка избрания ламы калмыцкого народа и «причем предложено представить право избрания кандидата на онуу самим калмыкам» (имеется в виду ламаистская иерархия на уровне улусных начальников хурулов) [10, л. 42]. Были допущены в Калмыцкую степь духовенство из Бурятии, представитель Далай-ламы из Тибета А. Дорджиев. Последний даже занимал некоторое время пост директора обоих чоре в Калмыкии [13, л. 129]. Этот приток буддийских деятелей в Калмыкию настолько усилился в рассматриваемый период, что правительство было вынуждено не всегда разрешать въезд, а порой и выселять уже находившихся в калмыцких улусах священников [7, л. 10–20].

Естественно, что столь бурное расширение деятельности духовенства требовало значительных материальных затрат, которые ложились отчасти на плечи трудовых масс народа: ведь духовенство жило за счет «добровольных пожертвований», не говоря уже о том, что хурулы и деятели церкви были крупными собственниками. Например, Л. Ходжигоров, занимавший сан гелюнга Эмчинова хурула Икицохуровского улуса, обладал собственностью в 25,5 тыс. руб. [5, л. 75]. Кумской хурул в Терской области имел 800 овец, 34 головы крупного рогатого скота. В личном же хозяйстве бакши этого хурула насчитывалось более 1000 овец и 100 лошадей, гелюнги имели от 500 до 1000 овец. Даже, как заметил А. Позднеев, гебкуй М. Мучиров, имевший до 600 овец, считался «сравнительно небогатым человеком» [25, л. 32–33].

Большое хозяйство имелось у бакши Сетенова в Большедербетовском улусе, Буринова в Сальском округе области Войска Донского: по свидетельству Х.Б. Канукова, они засевали до 500 дес. земли и нанимали до 100 рабочих и батраков [2, с. 68]. Во 2-м Яндыковском большом хуруле, штат которого состоял из 24 чел., имелись 8 деревянных и 6 глинобитных домов, 4 амбара, 16 кибиток для летнего жилья и скот в количестве 1050 овец, 105 лошадей, 35 коров, 64 верблюда. От продажи скота в пос. Калмыцкий Базар хурул выручал около тысячи руб. в год [6, л. 93].

В хозяйстве Багутовского хурула Яндыко-Мочажного улуса насчитывалось около полутора тысяч овец, 140 лошадей, 90 верблюдов, 60 голов крупного рогатого скота [16, л. 40]. Чоре в Икицохуровском улусе, хотя и имело сравнительно небольшое хозяйство (400 овец, 20 коров), но обладало значительными денежными средствами, поскольку на его содержание (помимо пожертвований частных лиц) каждый хурул был обязан перечислить ежегодно от 150 до 300 руб. По самым минимальным подсчетам от хурулов на счет Чоре поступали ежегодно свыше 14 тыс. руб. [21, л. 3]. Духовные лица сопровождали калмыков всю их жизнь: они приглашались при рождении ребенка и наречении его именем, в год двенадцатилетнего цикла, во время

бракосочетания, болезни, с наступлением весны «для освящения воды», в дни «Мацак» для молебна и т.д.

Недешево для населения обходился приезд большого числа буддийских деятелей в Калмыцкую степь. А. Дорджиев, по свидетельству администрации, в один приезд в 1901 г. собрал пожертвования на сумму 20 тыс. руб. золотом [6, л. 9–14]. В 1902 г. во время службы в Эркетеневском улусе А. Дорджиеву были преподнесены пожертвования от 10 до 2 тыс. руб. каждое, причем последнюю сумму преподнес местный скотопромышленник Г. Даланов [6, л. 15–16].

Администрация полагала, что такие поборы являются «прямо обиранием калмыков и вконец подрывают благосостояние народа и без того достаточно обедневшего» [6, л. 3]. В связи с этим губернатор проводил пример со священником из Тибета Джомцо-ламой, который собирал с населения деньги, золото и серебро и др., объясняя «что на одном из главных тибетских хурулов одна сторона, обращенная в сторону Калмыцкой степи, чернеет» и необходимо нанести на нее позолоту [6, л. 7]. Прибывшие из Забайкальской области бурятские священники привезли 6 ящиков бурханов, которых обменивали на лошадей [6, л. 45].

В данный период законодательно было оформлено разграничение прав между бакши калмыков-казаков области Войска Донского и казачьей администрацией. Так, предоставив неограниченные права бакше в надзоре за буддийским духовенством, хурулами и духовной жизнью донских калмыков, закон «О временном положении бакши (ламы) донских калмыков», принятый 15 мая 1911 г. [20], запрещал бакше «вмешиваться в дела, касающиеся административного управления казачьих станиц, а также входить в рассмотрение дел гражданских или уголовных как духовных, так и светских лиц». То есть по существу происходило запоздавшее в отношении ламаистской церкви донских калмыков юридическое оформление ее статуса.

Правительство не оставляло без внимания и вопрос о христианизации калмыков, который оно старалось решать осторожно, тем более в период революции 1905–1907 гг. и позже. Даже предпринимая ряд уступок калмыцкому духовенству, царизм в этом видел перспективу более лояльного отношения с его стороны к христианизации калмыков. Не случайно на замечание председателя астраханского епархиального комитета губернатору «о невозможности для местных миссионеров бороться с массой духовных лиц ламайского вероисповедания в смысле религиозного соревнования» один из чинов администрации (Кардаев) ответил: «Коль скоро ламаистская религия не преследуется законом, а в настоящее время свобода верования рекомендована даже свыше, едва ли своевременно было бы достигать успехов православной миссии путем репрессивных мер» [11, л. 54–64].

23 мая 1911 г. были приняты «Некоторые изменения действующего Устава Духовных Академий», по которым в Казанской духовной академии был открыт монгольский отдел, призванный готовить кадры миссионеров для монгольских народов, в том числе и калмыцкого. Предметами изучения для них являлись буддийское учение, этнография монгольских народов, монгольские языки (калмыцкий и бурятский), тибетский язык (официальный язык ламаистского духовенства), и, конечно же, история и насущные проблемы христианизации монгольских народов [18].

Своими актами правительство продемонстрировало то возросшее в этот период внимание с его стороны к буддийской церкви и огромное значение, которое он придавал в своей политике калмыцкому духовенству. В целом политика уступок буддийской церкви со стороны администрации позволила несколько укрепиться духовенству Калмыкии.

Одной из сторон участия духовенства в общественной жизни Калмыкии являлась еще большее участие его в решении насущных проблем общества. Съезды улусных попечителей и калмыков-скотоводов, призванные решать злободневные вопросы экономического развития степи, не обходились без участия представителей калмыцкого духовенства, тем более, что многие из них являлись скотовладельцами.

Когда в 1915 г. речь зашла о конкретных мерах по переводу калмыков в казачество, и при военном министерстве было образовано межведомственное совещание по этому вопросу, представлять в нем калмыков должны были 6 чел., из которых трое –

духовные лица [17, л. 162]. В 1891 г. последовала просьба скотоводческой верхушки во главе с нойоном Тундутовым об обязательном утверждении всех кандидатов, представляемых ламой на духовные звания из-за сокращения численности духовенства [8, л. 3]. Тогда же поступило ходатайство в Министерство иностранных дел от Далай-ламы о признании за нойоном Тундутовым княжеского титула [12, л. 2].

Активная общественная позиция духовенства вынуждала его не оставаться в стороне от решения обострившегося земельного вопроса в начале XX в. В годы революции 1905–1907 гг. и позже, когда возникла реальная угроза еще большего сокращения земельных угодий калмыцкого населения в пользу переселенцев, астраханских казаков и ведомства государственного коннозаводства, калмыцкое духовенство вместе с другими представителями выразило свое отрицательное отношение к этому. Было решено в 1908 г. послать депутацию от калмыков к царю с ходатайством «по вопросам земельного характера». В состав этой делегации вошли лама Ч. Балданов, старший бакша малодербетовских хурулов У. Музаев, начальники хурулов Ц. Шаратов и Ч. Бюрюнов, гелонг Н. Лиджиев. Однако в силу ряда причин (в основном, празднование в 1902 г. 300-летия добровольного вхождения калмыков в состав России) калмыцкая депутация у царя ограничилась лишь выражением «чувства преданности и любви» [22, л. 26–40].

В условиях проведения ряда буржуазных реформ в Калмыкии некоторые представители духовенства занимали консервативную позицию. Об этом свидетельствует пропаганда духовенства против реформы 1892 г., юридически отменившей личную зависимость калмыцких простолюдинов от их владельцев – нойонов и зайсангов. Духовенство требовало от простолюдинов повиновения своим владельцам – нойонам и зайсангам, строгого соблюдения религиозных правил и обычаев [1, с. 124–129]. Также духовенство вело пропаганду против введения реформы преобразования Большедербетовского улуса на началах общего положения о крестьянах, желая «жить по-старому» [21, л. 2–5].

Вполне объяснимой являлась критическая позиция калмыцкого духовенства в отношении принявших православие 15 калмыцких семей [1, с. 135]. Администрация была вынуждена отделить последних путем образования самостоятельного поселка Княземихайловский [23, л. 56].

Таким образом, в период глубоких социально-политических событий начала XX в., подъема национального движения в ряде районов России правительство вынуждено было корректировать свою конфессиональную политику. На данном этапе в Калмыкии была прекращена политика ограничения буддийской церкви, что способствовало росту численности духовенства, хурулов, возрастанию политического влияния священнослужителей. Калмыцкое духовенство активно участвовало в общественно-политической жизни общества.

Список литературы

1. Дуброва Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии / Я. П. Дуброва. – Казань, 1899. – 181 с.
2. Кануков Х. Б. Будда-легенда и его последствия / Х. Б. Кануков. – Астрахань, 1928. – 82 с.
3. Команджаев А. Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начала XX в. / А. Н. Команджаев. – Элиста, 1999. – 262 с.
4. Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 357.
5. НАРК. – Ф. 38. – Оп. 1. – Д. 833.
6. НАРК. – Ф. 9. – Оп. 2. – Д. 22.
7. НАРК. – Ф. 9. – Оп. 2. – Д. 77.
8. НАРК. – Ф. 9. – Оп. 4. Д. 746.
9. НАРК. – Ф. 9. Оп. 5. – Д. 5.
10. НАРК. – Ф. 9. – Оп. 5. – Д. 953.
11. НАРК. – Ф. 9. – Оп. 5. – Д. 1238.
12. НАРК. – Ф. 9. – Оп. 5. – Д. 1720.
13. НАРК. – Ф. 9. – Оп. 5. – Д. 1818.
14. НАРК. – Ф. 9. – Оп. 5. – Д. 1825.
15. НАРК. – Ф. 9. – Оп. 5. – Д. 1874.
16. НАРК. – Ф. 26. – Оп. 1. – Д. 1001.

17. НАРК. – Ф. 30. – Оп. 1. – Д. 1.
18. Полное собрание законов Российской империи. 3-е собрание (ПСЗРИ – III). – Т. XX. – № 35704.
19. ПСЗРИ – III. – Т. XXV. – № 26125.
20. ПСЗРИ – III. – Т. XXXI. – № 35210.
21. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1291. – Оп. 84. – Д. 104.
22. РГИА. – Ф. 1291. – Оп. 84. – Д. 192.
23. РГИА. – Ф. 1291. – Оп. 84. – Д. 339.
24. РГИА. – Ф. 1291. – Оп. 84. – Д. 344.
25. РГИА. – Ф. 1291. – Оп. 84. – Д. 358.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В РАЗРЕШЕНИИ ПРОТИВОРЕЧИЙ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКЕ

**О.В. Валгуцкова
(Россия, Саратов)**

Раскрывается роль государственной политики в разрешении конфликтных ситуаций и противоречий трудовых отношений между работниками и работодателями предприятий электроэнергетики. Обосновывается, что разрешение и предупреждение противоречий трудовых отношений происходит посредством проведения инвестиционной, кадровой и социальной политики государства в электроэнергетической отрасли, а так же, что государство выступает гарантом социальной стабильности и защищенности граждан России.

The role of state policy in the permission of conflict situations and contradictions of labor relations, between workers and employers of the enterprises of electric power industry is revealed. It is proved that the permission and prevention of contradictions of labor relations occurs by means of carrying out investment, personnel and state social policy in electropower branch, and as that the state acts as the guarantor of social stability and security of citizens of Russia.

Ключевые слова: трудовые отношения, противоречия, электроэнергетика, государственная политика, инвестиционная политика, кадровая политика, социальная политика.

Key words: labour relations, contradictions, power engineering, state policy, the investment policy, personnel selection, social policy.

В настоящее время основным вектором развития всей экономики России является Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р [1]. Цель данной Концепции заключается в определении путей и способов обеспечения в долгосрочной перспективе (2008–2020 гг.) устойчивого повышения благосостояния российских граждан, национальной безопасности, динамичного развития экономики, укрепления позиций России в мировом сообществе. В основу Концепции положено развитие государственной политики не только по направлениям (экономическая, социальная, инновационная, инвестиционная и другие), но и по сферам воздействия (электроэнергетика, авиационная промышленность, судостроительная промышленность, информационно-коммуникационные технологии и другие).

Целями государственной политики в сфере электроэнергетики, заложенными в Концепции, являются: 1) преодоление сложившихся дисбалансов в электроэнергетике для поддержания в долгосрочной перспективе высоких и устойчивых темпов роста экономики; 2) увеличение эффективности производства, передачи и потребления электроэнергии на основе новейших высокоэффективных экологически чистых технологий.

В ходе проведения государственного реформирования электроэнергетической отрасли России происходят не только организационные, но и технические изменения, которые в свою очередь влияют на стабильность трудовых отношений. Трансформация трудовых отношений, вызванная реформированием отрасли, сопровождается возникновением противоречий между субъектами трудовых отношений. Разрешение противоречий в трудовых отношениях в электроэнергетике возможно на 3 уровнях, в связи с чем методы разрешения противоречий будут делиться на: 1) государствен-